

АНТИКЛЕРИКАЛЬНЫЙ ДИСКУРС В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ НАУКЕ

Бесков Андрей Анатольевич,

*кандидат философских наук,
заведующий лабораторией «Трансформация духовной культуры
в современном мире» Нижегородского государственного
педагогического университета им. К. Минина,
Россия, 603005, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1
SPIN-код (РИНЦ): 9198-5158
ORCID: 0000-0003-4080-1614
beskov_aa@mininuniver.ru*

Аннотация

И в СМИ, и в научной литературе часто можно встретить утверждения о религиозном возрождении, наступившем в России после крушения советской власти. По результатам социологических опросов, большинство россиян являются верующими, по большей части православными. Государство явно покровительствует религии, во всяком случае некоторым конкретным («традиционным») религиям. В общественно-политическом дискурсе превалирует точка зрения, что религия – это благо, а если порой религия и является источником проблем, то это связано с какими-то отклонениями от нормы, извращением самой сути религии. Такую позицию легко можно встретить и в российской научной периодике. Однако в российской науке нередко высказывается также критическое отношение к возрастающей роли религии в России. В статье выделены основные причины недовольства ученых положением дел в этой сфере. Показано также, что подобные работы не имеют никакого влияния на религиозную ситуацию в России. Хотя в российской науке антиклерикальные настроения выражены вполне отчетливо, в общественно-политический дискурс они не попадают, так как в России просто нет такой силы, которая могла бы последовательно пропагандировать принцип светскости. В поисках дополнительного электорального ресурса и замены советской идеологии власть всеми силами способствовала усилению значимости религии и упрочению авторитета религиозных лидеров. В итоге сегодня, несмотря на то что реальный уровень религиозности населения, по-видимому, значительно ниже, чем принято считать, политики (даже оппозиционные) не готовы открыто усомниться в позитивной роли религии, опасаясь имиджевых потерь.

Ключевые слова: религия в России, постсоветская Россия, светское государство, клерикализация, государственно-конфессиональные отношения, российская наука, религия и общество.

Библиографическое описание для цитирования:

Бесков А.А. Антиклерикальный дискурс в современной российской науке // Идеи и идеалы. – 2021. – Т. 13, № 4, ч. 1. – С. 88–111. – DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.4.1-88-111.

В недавней статье Д.А. Узланера с красноречивым названием «Конец “проправославного консенсуса”»: религия как новый раскол российского общества» [44] утверждается, что, во-первых, такой консенсус в постсоветской России был, во-вторых, что его уже практически нет. Под данным термином в статье понимается, прежде всего, одобрительное отношение российского общества к русскому православию и Русской православной церкви, хотя автор явно употребляет его расширительно – как одобрительное отношение к религии, комбинируя с термином «религиозное возрождение». Что примечательно, автор решается отойти от опоры на результаты социологических опросов, которые десятилетиями показывают примерно одну и ту же картину преобладания среди россиян православной идентичности. Здесь он опирается на мнение В. Карпова, сетовавшего на то, что из-за повышенного внимания к результатам соцопросов масштабные контент-аналитические исследования искусства, литературы, философии и других культурных подсистем пришли в упадок, и приводившего примеры того, как чрезмерное доверие опросам общественного мнения может исказить понимание религиозных процессов [20]. В итоге Д.А. Узланер анализирует различные болевые точки во взаимоотношениях религии и общества в России: споры о реституции церковного имущества, конфликты из-за строительства новых храмов, давление со стороны православных активистов на деятелей искусства¹, а также пытается рассмотреть изменение отношения к религии со стороны общества в общекультурных трендах, оговаривая, что известных ему исследований на эту тему нет. Тут стоит отметить, что в последние годы подобные исследования всё-таки появляются. В частности, А.А. Бесков в своих статьях показывает, как, несмотря на всемерную поддержку государством «традиционных религий» (и, вероятно, даже во многом благодаря ей!), в обществе всё сильнее распространяются элементы «нетрадиционной религиозности», в частности, разного рода представления, свойственные ранее лишь представителям различных неязыческих объединений [9]. Ростки язычества в «православной стране» обнаруживаются в самых неожиданных местах – например, в творчестве рок-музыкантов, которых часто принято считать православ-

¹ Стоит отметить, что в число этих болевых точек, несомненно, стоит добавить напряженность, возникшую вокруг вопроса о допустимости богослужений и других религиозных мероприятий в период карантина, вызванного пандемией коронавируса. Желание РПЦ вести богослужения во время пандемии было расценено в СМИ как вредительство, угрожающее жизни прихожан [58].

ными [7]. Да и в целом в современной российской культуре и массовом сознании наблюдается отход от безусловного признания идеи монотеизма [5, 6].

Однако у любых социальных изменений есть какие-то причины, истоки. Д.А. Узланер видит «начало конца» «проправославного консенсуса» в 2012 году, когда прогремело дело Pussy Riot. Но это кажется упрощением, ведь, например, упомянутые выше ростки язычества стали пробиваться сквозь твердь якобы «проправославной» культуры гораздо раньше и абсолютно независимо от «панк-молебна». На самом деле, найти какую-то конкретную точку, с которой можно вести хронологический отсчет разрушения пресловутого консенсуса, вряд ли возможно, ведь и сам этот консенсус является больше метафорой, нежели строго научной характеристикой реального положения дел в отношениях общества и религии. В настоящей статье я намерен затронуть еще один аспект этой большой и многогранной темы, постаравшись выделить и проанализировать научные публикации российских ученых, авторы которых продемонстрировали свое критическое отношение к религиозной политике государства и роли религии в российском обществе². Но для начала нужно обрисовать историко-культурный и идеологический контекст, в котором эти публикации появлялись.

После краха СССР с его атеистической идеологией религия в России превратилась в социально одобряемое явление, и потому население в целом было склонно приветствовать усиление ее роли в общественной жизни [47]. Религия была подернута флером свободолобивой, даже революционной (точнее сказать, контрреволюционной) романтики: «В начале 1990-х гг. ... церковь ассоциировалась с историей гонений на инакомыслие и жертвенностью во имя идеи, а потому воспринималась как составная часть противостояния репрессивной машине государства...» [26, с. 54]. Свобода совести и вероисповедания была одним из символов, отличающих постсоветскую Россию от советской, а демонстрируемая религиозность новых правителей и высокопоставленных чиновников должна была выгодно отличать их от «безбожных» предшественников³. Б.Н. Ельцин, бывший в ту пору еще президентом РСФСР, разыграл эту карту, обратившись за поддержкой к РПЦ и Патриарху Московскому и всея Руси Алек-

² Интересно, что в тематическом сборнике статей об антиклерикализме [3] современный материал оказался почти не представлен, и ничего не говорится об антиклерикальных настроениях в современной науке.

³ Выгоды от нового имиджа были очевидны. Общественное мнение на тогда еще в значительной степени более консервативном и религиозном, нежели сейчас, Западе [2] рассматривало атеизм как один из элементов враждебной коммунистической идеологии. Следовательно, новые российские лидеры, отринувшие атеизм вместе с партбилетом, вызвали интерес и симпатию (см. например, статьи о Ельцине в Los Angeles Times [57] или East-West Church and Ministry Report [55]). Во внутриполитической борьбе верующие избиратели также являлись для Ельцина и его команды дополнительным электоральным ресурсом [54].

сию II во время противостояния с ГКЧП в августе 1991 года [31]. Союз политиков с религиозными лидерами был взаимовыгодным и в чем-то изоморфным процессу увеличения политического веса глав республик в составе РФ, прислушавшихся к исторической фразе Б.Н. Ельцина: «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить». Религиозные лидеры и организации набирали вес подобно новым политикам и политическим партиям. В дальнейшем религия стала восприниматься властями еще и как средство сплочения общества, и, как следствие, вопросы «духовно-нравственного» (по сути, религиозного) образования в школе стали увязываться с вопросами государственной безопасности [52, 56]. Вероятно, как это обычно и бывает, с течением времени всплывут какие-то материалы, по которым историки смогут более детально проследить процесс изменения отношения государственной власти к религии вообще и конкретным религиозным объединениям в частности. Пока же представляется, что разворот государства от атеистической идеологии к рекультивации религиозности населения происходил во многом спонтанно и не был подкреплён разработанной стратегией. В итоге этот стихийный процесс привел к таким последствиям, которые, вероятно, не были «просчитаны» заранее: российское общество столкнулось с тем, что в советское время казалось глубокой архаикой, – религиозным экстремизмом и конфликтами на религиозной почве, а законодательная защита «религиозных чувств» стала идти вразрез с принципами свободы слова и свободой творчества⁴. Так возникла парадоксальная ситуация: государство само вскармливает в гражданах те самые (религиозные) чувства, которые потом можно будет задеть. Получается, что государство создает дополнительный источник конфликтов в обществе, а затем пытается эти конфликты купировать⁵.

⁴ Примером такого рода служит напряженность вокруг фильма «Матильда» А. Учителя в 2016–2017 гг. Если кто-то из читателей статьи уже позабыл детали этого скандала, то освежить их в памяти можно, почитав соответствующую статью в Википедии. Напомню лишь, что по этому поводу нашли время высказаться не только депутат Государственной Думы Н.В. Поклонская или глава Чеченской Республики Р.А. Кадыров, но даже первые лица государства – В.В. Путин и Д.А. Медведев.

⁵ Замечу, что сама по себе такая ситуация не является уникальной. Нечто подобное можно увидеть, например, в советской национальной политике. Несмотря на принципиально новую государственную идеологию, она в значительной степени являлась продолжением национальной политики Российской империи с ее стремлением опереться на лояльные центру национальные элиты. Правда, советское государство пошло дальше и приложило немало усилий для развития национального самосознания различных населявших СССР народов, вплоть до разработки и внедрения национальной письменности и литературных языков у народов, прежде их не имевших. Я согласен с оценкой С.И. Филиппова, согласно которой «такая стратегия подрывала единство и устойчивость многонационального государства» [46, с. 233]. В этом свете понятна также позиция немецкого исследователя Г. Симона, пришедшего к выводу, что большевики не столько решили, сколько создали национальный вопрос [60, S. 124]. Впрочем, в постсоветской России в этой сфере ничего принципиально не изменилось.

При этом в общественно-политическом дискурсе сегодня сложно услышать голоса, которые предупреждают о возможных рисках, связанных с возросшим значением религии. В эфире российских телеканалов так называемые традиционные для России религии (под которыми обычно понимаются православие, ислам, буддизм и иудаизм)⁶ освещаются комплиментарно (Е.А. Аглей, изучившая сюжеты о религии на Первом канале, даже пришла к выводу о его «клерикализации»⁷). И хотя в прессе может наблюдаться другая картина, характеризующаяся, в частности, критическим восприятием РПЦ из-за тех или иных связанных с ней скандалов [15], критика журналистов сосредоточена на конкретных религиозных институтах или персоналиях, но не на религии как таковой. Позиция, заявляющая о негативном влиянии религии и религиозности на общество, является ныне маргинальной и воспринимается, скорее, как наследие морально и идеологически устаревшего научного атеизма советской эпохи, который (что бывает крайне редко!) не нравится одновременно и государству, заключившему союз с религией, и либеральной оппозиции, советские предтечи которой боролись с советской властью под знаменем религиозной свободы.

Понятно, что политики, общественные деятели и журналисты при выражении своего мнения во многом скованы политической целесообразностью, «линией партии» (как бы эта партия ни называлась), редакционной политикой, а рядовые граждане – банальным конформизмом, который, казалось бы, даже при ни к чему не обязывающих социологических опросах нередко заставляет давать социально одобряемые ответы [18]. Но как оценивают современные взаимоотношения государства и религии те люди, которые, как принято считать, отстаивают в спорах истину, т. е. ученые?

Среди отечественных научных публикаций можно найти множество работ на тему созидательного потенциала религии. Учитывая, что сегодня многие научные конференции проводятся под патронатом различных религиозных организаций, подобная ситуация абсолютно предсказуема. Но что стоит отметить особо, так это явный интерес к этой теме представителей правоохранительных органов, на которые возложена задача борьбы с религиозным экстремизмом. Изучение статей на эту тему тех авторов, которые аффилированы с юридическими вузами или правоохранительными структурами, обнаруживает, что в них научный интерес жестко детерминирован интересами государства. Авторы вынуждены искать решение указанной проблемы строго в рамках имеющейся парадигмы, соглас-

⁶ Об истории формирования этого понятия см. статью В.С. Слобожниковой [38].

⁷ Она пишет, что «явно формируется исключительно положительный образ ценностей Русской православной церкви, которая является опорой и поддержкой политической системы» [1, с. 114].

но которой религия и религиозность – это благо, однако «кое-где у нас порой» это позитивное явление искажается и тогда становится проблемой. Арсенал средств борьбы с этими «отклонениями религии от норм»⁸ невелик. Стратегия сводится к дальнейшей поддержке «традиционных» религий, а конкретные тактические действия варьируют в узком диапазоне от религиозного воспитания заключенных [28, с. 113; 45, с. 52] до религиозного воспитания российской молодежи [27, с. 76], а значит, в перспективе и общества в целом.

В целом, заданный государством вектор развития исследовательской мысли ясен. Но я хочу прояснить, представлен ли в отечественной научной литературе иной взгляд на проблему взаимоотношений нашего государства и общества, с одной стороны, и религии – с другой.

Оказывается, критичная позиция по отношению к происходящим в этой сфере процессам не столь редкое явление, как можно было бы подумать, хотя подобные публикации теряются в общей массе статей, авторы которых настроены к религии абсолютно лояльно. Тем интереснее разобратить доводы тех ученых, которые противостоят этому научному и общественно-политическому мейнстриму.

Любопытный в этом отношении исследовательский кейс представляет собой сборник материалов Всероссийского научно-практического форума «Проблемы укрепления и поддержания гражданского единения в регионе: философско-культурологические, искусствоведческие и религиоведческие аспекты», который прошел в Перми с 17 по 19 сентября 2014 года в рамках мероприятий местных органов власти по реализации программ в области национальной политики. Как заявлено в аннотации, «материалы сборника представляют интерес не только для ученых-гуманитариев, но и для организаторов осуществления Федеральной целевой программы “Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)”». Иными словами, власть захотела узнать мнения ученых по вопросам укрепления вышеозначенного единства, для чего подключила к решению этой задачи даже столь солидное учреждение, как Институт философии Российской академии наук, под эгидой которого проходил данный форум. Возможно, это обстоятельство и позволило превратить довольно официозное мероприятие в площадку для

⁸ Беру эти слова в кавычки, так как они используются в метафорическом смысле. Разумеется, всерьез рассуждать о том, что является в религии нормой, а что нет, – бессмысленно. Однако усилиями государства, а также ряда специалистов, именующих себя сектоведами, в общественно-политическом дискурсе утвердилась мысль о существовании хороших («традиционных») религий, которые учат людей добру, и плохих («тоталитарных сект», «деструктивных культов»). Последние в этом случае представляются какими-то досадными недоразумениями, а их адепты – своего рода религиозными извращенцами, которых, по аналогии с извращенцами сексуальными, требуется или лечить, или изолировать от общества.

дискуссии, где сразу несколько ученых из разных городов России выразили мнение, что культивируемое властями усиление роли религии в нашей стране служит фактором, препятствующим укреплению единства российского общества [4, 8, 40], и недвусмысленно высказались за необходимость для России сохранять светский характер государства, видя в привилегированном положении православия угрозу для единения российской нации [11, 12, 23, 51]. В частности, известный религиовед Е.С. Элбакян на примере экуменического движения показала, что межрелигиозный диалог даже в рамках одной материнской религии – христианства – крайне затруднен. Ее вывод: «Осуществлять регулирующую функцию... в выстраивании конструктивного диалога между различными религиями должна не одна из конфессий-участниц (собеседников), а светское государство, осуществляющее подобное регулирование, основываясь на принципах права, подразумевающих единое отношение к действиям со стороны любого религиозного направления, независимо от того, крупное оно или это так называемое “религиозное меньшинство”» [51, с. 193].

Впрочем, голоса ученых, предупреждающих об опасностях зангрывания с религиозностью населения, звучали не только в упомянутом сборнике, но и в иных изданиях. Не претендуя на исчерпывающую полноту, приведу для иллюстрации этого тезиса несколько примеров.

Недовольство тем, что ученые обычно называют клерикализацией⁹ государства и общества, выражают многие авторы. Но неприятие этих тенденций может быть мотивировано различным образом. Некоторые авторы указывают главным образом на размывание конституционных принципов светского государства, которым является современная Россия, и вытекающие из этого последствия в виде нарушений права граждан на свободу совести [19; 33, с. 19, 20; 37, с. 68]. Недоумение либо явную критику со стороны ученых вызывает проникновение в школу религиозно ориентированного курса «Основы религиозных культур и светской этики», материалы которого плохо согласуются со светским характером государства [17, 52, 56, 59, 61]. В.А. Шнирельман, изучивший школьные учебники и учебные пособия, разработанные в рамках этого курса, пришел к выводу, что «вопреки заявленным культурологическим целям, многие учебники имеют вероучительский характер», причем в большей степени это характерно для учебников по основам православной культуры [50, с. 113]. Такие изменения в системе образования вызывают скепсис в отношении перспектив по-

⁹ В некоторых работах оговаривается, что термины «клерикализм», «клерикализация» не вполне применимы к ситуации в современной России [25, 49]. Но здесь я не буду вступать в обсуждение терминологических нюансов. В рамках настоящей работы под клерикализацией понимается усиление влияния каких-либо религиозных доктрин, лидеров и организаций на сферу внутренней политики, права и культуры. Соответственно, позиция, критикующая эти тенденции, понимается как антиклерикальная.

строения в России «инновационной экономики» [41, с. 42], и скепсис этот еще более усиливается, если мы вспомним о существовании школьного учебника биологии, написанного с креационистских позиций, и довольно впечатляющих попытках его популяризации [10].

Ряд авторов видит в клерикализации современного российского общества фактор, способный провоцировать конфликты на этнокультурной и конфессиональной почве. Об этом писали В.С. Кржевов [24], С.М. Дударёнок [13, с. 134], Р. Мухаметзянова-Дуггал [30, с. 103], В.С. Слобожникова [39], Б.Ф. Чечет [48, с. 312, 313]. А.В. Поздняков и И.А. Сорока указывают, что конкретные источники межрелигиозной розни легко найти в священных текстах различных (в том числе и «традиционных») религий, несмотря на активно пестуемую государством в общественном сознании идею о том, что все религии учат добру и толерантности [35].

Суммируя подобные опасения, Е.А. Трофимов назвал опору в построении национальной идентичности на «традиционные религии» стратегическим просчетом государства [43, с. 122].

Ученые, чьи работы были здесь рассмотрены, не протестуют открыто против религии (религиозной веры и обрядов) как таковой¹⁰. Их опасения вызывают главным образом институализированные формы религии, набирающие силу до такой степени, что они могут оказывать влияние на внутреннюю политику государства и, таким образом, на жизнь даже тех россиян, которые никак не соотносят себя с этими религиозными верованиями. По сути, это возрождение тревог Вольтера, выразившихся в знаменитом лозунге «Écrasez l'infâme!», превратившемся на русской почве в «Раздавите гадину!». Вопреки распространенному мнению, Вольтер не был врагом религии как таковой или даже конкретно католической церкви – в этом лозунге отразилось его неприятие религиозного фанатизма и, как бы мы сказали сегодня, интолерантности (вспомним, что в его время людей в Европе еще казнили за святотатство) [14, с. 199–212].

Вероятно, список работ, авторы которых критически оценивают влияние религии на развитие современного российского общества, можно было бы еще значительно расширить, но и без того вполне очевидно, что антиклерикальный дискурс представлен в российской науке довольно отчетливо (и, в пик Д.А. Узланеру, это не связано с делом Pussy Riot). Тем примечательнее реакция на него государства – полное игнорирование подобной озабоченности. Хорошим примером служит в свое время известное, а теперь уже забытое общественностью «Письмо десяти академиков» от 22 июля 2007 года, адресованное президенту РФ В.В. Путину,

¹⁰ Исключением из этого ряда является статья О.И. Кириченко [22], в которой автор призывает возродить атеистическое воспитание с целью профилактики религиозного экстремизма, – вот уж воистину глас вопиющего в пустыне.

в котором открыто были выражены претензии со стороны научной общественности в адрес государства из-за неприкрытой поддержки им РПЦ. В феврале 2008 года было опубликовано еще одно открытое письмо президенту РФ, в котором свою поддержку позиции академиков, написавших предыдущее письмо, выразили более 1700 российских ученых и представителей научно-технической интеллигенции [34]¹¹. Все эти письма не сыграли никакой роли и не остановили проникновение курса «Основы религиозных культур и светской этики» в школьную программу и специальности «Теология» в государственные университеты, зато продемонстрировали, что вопросы, связанные с религией, скорее раскалывают общество, нежели объединяют его. Собственно, к этой же мысли, хотя и на другом материале, пришел в итоге Д.А. Узланер в упомянутой выше статье: «...российское православие более не является фактором национального консенсуса. Оно становится фактором национального конфликта, еще одним расколом, разделяющим российскую нацию» [44].

Учитывая, что этот автор является главным редактором наиболее авторитетного отечественного религиоведческого журнала «Государство, религия, церковь в России и за рубежом» (во всяком случае, по этому направлению он занимает первую строчку в рейтинге SCIENCE INDEX, который рассчитывается Российским индексом научного цитирования), его мнение выглядит авторитетным. Может быть, такие статьи сами по себе послужат неким триггером, способным вызвать цепную реакцию в общественном мнении и побудить дискуссию о роли и месте религии в современной России?

На мой взгляд, рассчитывать на это не стоит. На примерах с открытыми письмами ученых хорошо видно, какая роль отводится сегодня в нашей стране науке в деле формирования общественного мнения. П.А. Ореховский и В.И. Разумов абсолютно справедливо отмечают, что ученые в нашей стране не являются ныне экспертами, влияющими на умы, – эту роль на себя берут совсем другие люди, в связи с чем экспертиза перестает быть чем-то серьезным и уподобляется авторами клоунаде [32, с. 86, 87]. Ведущие СМИ не транслируют подобные мнения ученых, мейнстримом являются сюжеты об открытии новых храмов, о религиозных праздниках и традициях. Как высказался на этот счет С.И. Каспэ, антиклерикальная общественность «с одной стороны, не имеет ни политического представительства, ни политического влияния, с другой – геттоизирована в немногих тесных публичных пространствах (Facebook, Российская академия наук, газета «Троицкий вариант» и еще несколько изданий, круг премии «Просветитель»...). Преувеличенное представление интеллигенции о соб-

¹¹ Ранее (во всяком случае, до 2019 года) письмо было доступно также на сайте журнала «Наука и жизнь», но на момент написания статьи оно там отсутствует.

ственной значимости не должно никого вводить в заблуждение, и прежде всего ее самое» [21, с. 28]. Процитированную статью ее автор назвал «Заговор молчания», отмечая тот факт, что в информационном пространстве современной России практически отсутствуют внятные и хорошо артикулированные нарративы о взаимоотношениях сакрального и политического. Нет не только единого видения того, как дальше должны развиваться взаимоотношения между государством и религией (религиями), но и серьезных общественных дискуссий на эту тему. Между тем, российское общество нельзя назвать религиозным, какой бы процент православных ни выявляли социологические опросы [16, 36, 47]. Тот административный вес, символический и финансовый капитал, который накоплен некоторыми религиозными лидерами и организациями, вряд ли можно признать пропорциональным их действительному (небольшому) влиянию на общество¹². Но говорить об этом можно лишь в научной литературе, которая не имеет влияния на общественное сознание и реальную политику государства¹³. (Кажется, что Вольтер один оказывал в свое время большее влияние на мнение власть предержащих, нежели вся российская наука сегодня.) Вынести же подобный вопрос на общественное обсуждение сложно, так как

¹² Я согласен с М.О. Шаховым, который писал: «Следует пояснить, что устойчивая тенденция на приоритетное сближение с РПЦ в политике государства создает определенный инерционно-кумулятивный эффект. Политическая влияние Церкви и отдельных священнослужителей, возникающая в результате оказываемого им государством внимания, как бы накапливается и перераспределяется. В результате в конкретном случае архиерей или священник может оказать реальное давление на представителей власти, добиваясь нужного решения вопроса. Но такая возможность порождена не собственными властными ресурсами духовенства, а тем, что представители власти в большинстве случаев ориентируются на указанную общую тенденцию. То есть в конечном итоге опосредованно духовенство всё же опирается не на свою независимую политическую силу, а на те возможности, которые предоставлены государством» [49, с. 61]. Ему вторит С.И. Каспэ: «Политическое (в строгом смысле этого слова) влияние РПЦ как института, а также Московской патриархии как ее административного центра и персонально патриарха остается мифом» [21, с. 11]. Иначе говоря, если поддержка традиционных религий со стороны государства иссякнет, их влияние на общество может вновь драматично уменьшиться. Эти пертурбации, когда влияние религии на общество то увеличивается, то уменьшается, навевают ассоциации с качанием маятника, и если эти ассоциации корреспондируют с действительностью, то, согласно прогнозам, вместе со следующим ходом маятника следует ожидать ослабления роли религии в обществе [47, с. 87].

¹³ Впрочем, даже и в научной литературе, напрямую посвященной рассматриваемой тематике, авторы склонны прибегать к эзопову языку. В своей уже упомянутой выше статье С.И. Каспэ, рассуждая о том хрупком балансе между сферой религиозного и политического, который наблюдается в современной России, предупреждает читателя, что даже «незначительный толчок может запустить лавину необратимых процессов» [21, с. 29]. Но далее автор словно пугается собственных мыслей и облекает их в такие формы, которые заставляют вспомнить смутные и оттого еще более пугающие предсказания Нострадамуса. По его мнению, на грядущие вызовы «отвечать придется в той же системе категорий и на том же языке, на котором вызов будет предъявлен...», и что при этом «востребованными окажутся как раз те навыки и приемы, которые сегодня почитаются нецивилизованными» [21, с. 31]. Что это – предостережение о грядущих религиозных войнах?

сейчас он будет восприниматься в прямом смысле слова как посягательство на святое. Любой политик будет в этом случае руководствоваться соображениями политической целесообразности и думать о предвыборных рейтингах. Лучшей иллюстрацией этого тезиса служат современные коммунисты, предпочитающие в нарушение всех канонов марксизма-ленинизма дружить с религией, а не критиковать ее.

Логика научного познания требует провести какие-то параллели и аналогии между описанной ситуацией в России и где-то еще, в частности на Западе, с которым россияне себя привыкли так или иначе сравнивать, иногда даже пытаясь его «догнать и перегнать». Но здесь следует честно признать одну вещь: действительно серьезные объективные сравнения будут очень трудоемкими, учитывая, что Запад в религиозном отношении вовсе не един. Если мы захотим разобраться, как западные ученые относятся к религии и ее влиянию на государство и общество, нам придется обращаться порознь к различным национальным научным традициям – и это, вероятно, снабдило бы нас материалом для целого ряда статей, а может быть, даже книг. Здесь же я ограничусь лишь некоторыми предварительными соображениями, которые, возможно, побудят других авторов развить эту тему.

Ситуация с отношением государства и общества к религии в России выглядит своеобразной, если сравнивать ее с Европой или США. Безусловно, и Европа далеко не однородна в этом отношении. Но в качестве «идеального типа» европейской модели взаимоотношений между государством (обществом) и религией целесообразно рассматривать французскую концепцию лаицизма (*Laïcité*), что нередко и делается в научной литературе при сравнении религиозной ситуации в Европе и США (см., напр., [42, с. 231–233]).

В общих чертах французская модель, закрепленная законом 1905 года об отделении церкви от государства и так или иначе повлиявшая на некоторые другие страны (например, на Турцию времен Ататюрка), заключается в последовательном и жестком изгнании религиозного элемента из публичной сферы, что выражается, например, в запрете явно демонстрировать свою религиозную принадлежность там, где государство считает это неуместным (в частности, в школах и университетах). Эта во многом бескомпромиссная модель сложилась в результате многолетней (даже многовековой) борьбы с влиянием католицизма (еще раз вспомним Вольтера). Сегодня же новый вызов французскому типу светского государства бросает ислам.

В США исторические судьбы секуляризма сложились совсем иначе. Там изначально не было государственной церкви, поэтому не возникало и необходимости бороться за отделение церкви от государства. Вместе с тем, при всех возможностях исповедовать любую религию или не испове-

довать ни одной, США изначально были протестантской страной, и христианская идентичность свойственна широким кругам населения, а упоминания о Боге (хотя бы и чисто риторические) являются неотъемлемой чертой внутриполитического дискурса.

В России же процесс отстранения церкви (и религии вообще) от общественной жизни был связан преимущественно с преобразованиями, последовавшими за революцией 1917 года. (В этом отношении, кстати, Россия не уникальна. Некоторые исторические аналогии в части влияния революционных настроений на отношение к религии и последующей борьбы революционеров с влиянием церкви прослеживаются между ситуациями в России (СССР), Мексике и Испании [53].) Процесс секуляризации в СССР не был основан на каком-то общественном консенсусе. Он проводился сверху, очень жестко, так что гонения на религию и священнослужителей в какой-то момент стали вызывать отторжение общества, а гонимым стали сочувствовать. Как мне кажется, Д. Фурман, К. Каарияйнен и В. Карпов вполне удачно сравнили изменения в общественном отношении к религии с колебаниями маятника [47, с. 7–87]. Но все крайние положения маятника являются максимальными отклонениями от точки покоя, которой, очевидно, и должен соответствовать общественный консенсус по вопросам отношения к религии. Продемонстрированная в статье озабоченность многих российских ученых той ситуацией, что сложилась в сфере взаимоотношений между религией и государством (обществом), как раз и является следствием, а равно с тем и признаком того, что ход маятника пока не остановился. Но это же обстоятельство показывает, что не стоит напрямую сравнивать отношение к религии научного сообщества в разных странах: по-видимому, в каждой стране на разных этапах ее истории ситуация будет специфична.

Проправославный консенсус, или, точнее, общественный консенсус относительно роли и месте религии в России, существует и существовал ранее лишь виртуально. О нем можно говорить, только если действительно ориентироваться лишь на данные социологических опросов (вспомним, что респонденты вообще склонны давать социально одобряемые ответы [18]) и на официальные заявления государственных мужей и религиозных лидеров, где непременно звучат слова о взаимном уважении и общих интересах. Если при этом игнорировать те процессы, что происходят в культуре, и не слушать голоса ученых, озабоченных сложившейся ситуацией и ее возможными последствиями, то да, можно говорить о каком-то консенсусе. Но, как известно, сколько ни говори «халва», во рту слаще не станет.

Эта ситуация напоминает мне тот парадоксальный консенсус, который сложился вокруг вопроса об отмене крепостного права в первой полови-

не XIX века. Среди интеллигенции прочно утвердилось мнение, что крепостничество – это зло, которое мешает России развиваться. Той же точки зрения придерживались и многие царедворцы, даже сами императоры, но на протяжении долгих десятилетий власть не решалась подступить к решению проблемы, опасаясь нарушить государственные устои и вызвать недовольство феодалов, цепко державшихся за свои привилегии даже перед лицом наступающей эпохи капитализма. Обсуждение связанных с крепостничеством вопросов в печати было запрещено цензурой. Та история кончилась плохо: реформа 1861 года не смогла сгладить все накопившиеся противоречия между феодалами и крестьянами. Последние оказались восприимчивы к лозунгам большевиков и помогли им похоронить старую Россию. Оказалось, что замалчивание проблемы и ее кулуарное решение – не лучший выход. Долг научного сообщества – постоянно напоминать власти об этом и предлагать совместный поиск оптимального решения. Роль и место религии в жизни общества – один из тех вопросов, что время от времени требуют пересмотра и широкой общественной дискуссии.

Литература

1. *Аглей Е.А.* Репрезентация образа религии на российском телевидении: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10 / Казанский (Приволжский) федеральный университет. – Казань, 2019. – 177 с.
2. *Андреева Л.А., Смирнов М.Ю., Щербиков В.П.* Процесс дехристианизации в Европейском Союзе // Современная Европа. – 2018. – № 5. – С. 120–130. – DOI: 10.15211/soveurope52018120130.
3. Антиклерикализм как культурно-исторический феномен / отв. ред. М.М. Шахнович. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. – 192 с.
4. *Арзуманов П.А.* Этноконфессиональные аспекты формирования гражданского единения россиян // Проблемы укрепления единства российской нации: материалы Всероссийского научно-практического форума (Пермь, 17–19 сентября 2014 г.). – Пермь, 2014. – Ч. 2. – С. 18–28.
5. *Бесков А.А.* Боги с большой буквы, или О чем говорит капитализация слова «боги» в письменной речи современных россиян // Славянские этносы, языки и культуры в современном мире: материалы VI Международной научно-практической конференции, посвященной 60-летию славистики в Республике Башкортостан (г. Уфа, 25 сентября 2020 г.) / отв. ред.: В.Л. Ибрагимова, Л.А. Киселева. – Уфа, 2020. – С. 301–310.
6. *Бесков А.А.* От богоискательства к многобожию? Концепт «боги» в творчестве современных русскоязычных музыкантов // Социодинамика. – 2020. – № 8. – С. 44–65. – DOI: 10.25136/2409-7144.2020.8.32005.
7. *Бесков А.А.* Русский рок: «православное искусство», новая религия или «славное язычество»? // Культура и искусство. – 2020. – № 6. – С. 10–28. – DOI: 10.7256/2454-0625.2020.6.31675.

8. Бесков А.А. Субъективный взгляд на объективные проблемы укрепления российской нации // Проблемы укрепления единства российской нации: материалы Всероссийского научно-практического форума (Пермь, 17–19 сентября 2014 г.). – Пермь, 2014. – Ч. 2. – С. 40–48.
9. Бесков А.А. Этнорелигиозное измерение современной русской идентичности: православие vs неоязычество // *Studia Culturae*. – 2020. – № 3 (45). – С. 106–122.
10. Боринская С., Борисов Н. Прививка от мракобесия: как биофармкластер «Северный» победил креационизм // Троицкий вариант. – 2015. – № 9 (178). – С. 11.
11. Гаврилова В.В. Возможности гражданского единения россиян // Проблемы укрепления единства российской нации: материалы Всероссийского научно-практического форума (Пермь, 17–19 сентября 2014 г.). – Пермь, 2014. – Ч. 1. – С. 43–51.
12. Глаголев В.С. Столкновение в светском обществе религиозных и секулярных парадигм // Проблемы укрепления единства российской нации: материалы Всероссийского научно-практического форума (Пермь, 17–19 сентября 2014 г.). – Пермь, 2014. – Ч. 2. – С. 48–55.
13. Аударенок С.М. Религиозная ситуация на российском Дальнем Востоке: история и современность // Россия и АТР. – 2004. – № 2. – С. 130–140.
14. Душенко К.В. «Раздавите гадину!»: две жизни вольтеровского лозунга // Шаги / Steps. – 2020. – Т. 6, № 3. – С. 199–227. – DOI: 10.22394/24129410-2020-6-3199227.
15. Ефимова Д.Е. Образ Русской православной церкви в современной светской периодике // История отечественных СМИ. – 2015. – № 1. – С. 150–160.
16. Задорин П.В. Хомякова А.П. Религиозная самоидентификация респондентов в массовых опросах: что стоит за декларациями // Политика. – 2019. – № 3. – С. 161–184. – DOI: 10.30570/2078-5089-2019-94-3-161-184.
17. Ильин Г.А. О клерикализации российского образования // Наука и школа. – 2012. – № 5. – С. 190–193.
18. Каждый четвертый боится делиться мнением с социологом // АНО «Левада-Центр»: web-сайт. – 2016. – 22 января. – URL: <https://www.levada.ru/2016/01/22/kazhdyj-chetvertyj-boitsya-delitsya-mneniem-s-sotsiologom/> (дата обращения: 09.11.2021).
19. Каневский К. Социальное партнерство государства и религиозных объединений: проблемы правового регулирования // Право и жизнь. – 2005. – № 82. – С. 195–234.
20. Карпов В. Концептуальные основы теории десекуляризации // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2012. – № 2 (30). – С. 114–164.
21. Каспэ С.И. Заговор молчания: сопряжения сакрального и политического в дискурсивных практиках современной России // Социологическое обозрение. – 2018. – Т. 17, № 2. – С. 9–38. – DOI: 10.17323/1728-192X-2018-2-9-38.
22. Кириченко О.И. Атеистическое воспитание как важный фактор профилактики религиозного экстремизма в молодежной среде // Вопросы безопасности. – 2015. – № 1. – С. 159–171. – DOI: 10.7256/2409-7543.2015.1.10263.

23. *Креймер-Дементьева А.А.* Гражданская и государственная идентичности России в оппозиции свой–чужой // Проблемы укрепления единства российской нации: материалы Всероссийского научно-практического форума (Пермь, 17–19 сентября 2014 г.). – Пермь, 2014. – Ч. 1. – С. 75–84.
24. *Кржегов В.С.* Религия в современной России: духовное возрождение или клерикализация общества? // Философские науки. – 2012. – № 10. – С. 93–105.
25. *Малахов В.С., Летняков Д.Э.* Мерцающий секуляризм: религия в российском публичном пространстве // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 1. – С. 135–149. – DOI: 10.17976/jpps/2020.01.10.
26. *Малахов В.С., Летняков Д.Э.* Российское государство в конфессиональной сфере, или национальные особенности секуляризма // Мир России. – 2019. – Т. 28, № 4. – С. 49–67. – DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-4-49-67.
27. *Маремуков Р.Б.* Использование традиционных религий в профилактике террористических проявлений и религиозного экстремизма // Проблемы в российском законодательстве. – 2018. – № 3. – С. 76–78.
28. *Матвеев Д.О.* Роль традиционных конфессий в профилактике религиозного экстремизма в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 3. – С. 111–114.
29. *Матяш Т.П.* Российская нация: проекты и реальность // Проблемы укрепления единства российской нации: материалы Всероссийского научно-практического форума (Пермь, 17–19 сентября 2014 г.). – Пермь, 2014. – Ч. 2. – С. 118–124.
30. *Мухаметзянова-Дуггал Р.М.* Религия и власть в России в XX–XXI вв.: три модели государственно-конфессиональных отношений // Власть. – 2017. – Т. 25, № 6. – С. 100–104.
31. Обращение Президента России Бориса Ельцина к Патриарху Московскому и всея Руси // Интерфакс: web-сайт. – 1991. – 19 августа. – URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=archive&div=5060> (дата обращения: 10.11.2021).
32. *Ореховский П.А., Разумов В.П.* Время карнавала: российская высшая школа и наука в эпоху постмодерна // Идеи и идеалы. – 2020. – Т. 12, № 3, ч. 1. – С. 77–94. – DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.3.1-77-94.
33. *Осипов О.В., Аверьянова Д.В.* Православная церковь современной России в системе гражданского общества // Социум и власть. – 2019. – № 3. – С. 15–29.
34. Открытое письмо Президенту Российской Федерации // Scientific.ru: web-сайт. – URL: <http://www.scientific.ru/doska/opk.html> (дата обращения: 10.11.2021).
35. *Поздняков А.В., Сорока П.А.* «Священные» тексты как источник религиозной нетерпимости: развенчание современных иллюзий // Позиция. Философские проблемы науки и техники. – 2017. – № 11. – С. 164–170.
36. *Пронина Т.С.* Религия и поиски идентичности в постсоветской России // Религиоведение. – 2015. – № 2. – С. 112–117.
37. *Радиков П.В.* Поиск идеологических ориентиров в постсоветской России // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2019. – № 1 (834). – С. 54–75.

38. *Слободяникова В.С.* Общественно-политические практики корректировки государственно-конфессиональных отношений в России на рубеже XX–XXI вв. // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 460. – С. 121–132. – DOI: 10.17223/15617793/460/15.
39. *Слободяникова В.С.* Религиозность как политический ресурс российского государства // Политическая наука. – 2013. – № 2. – С. 165–176.
40. *Смирнов М.Ю.* Реанимация религиозного фактора как препятствие для единства российского общества // Проблемы укрепления единства российской нации: материалы Всероссийского научно-практического форума (Пермь, 17–19 сентября 2014 г.). – Пермь, 2014. – Ч. 2. – С. 154–161.
41. *Солодников В.В.* В поисках духовного стержня общества: о преподавании православной культуры в средней школе // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2008. – № 3. – С. 31–42.
42. *Тейлор Ч.* Что такое светскость? // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2015. – № 1 (33). – С. 218–253.
43. *Трофимов Е.А.* Особенности воспроизводства религиозных объединений в Российской Федерации (проблемно-практикологический очерк) // Религиоведение. – 2015. – № 2. – С. 118–124.
44. *Узланер Д.* Конец «проправославного консенсуса»: религия как новый раскол российского общества // Новое литературное обозрение. – 2020. – № 3 (163). – С. 96–116. – URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/163_nlo_3_2020/article/22227/ (дата обращения: 10.11.2021).
45. *Федотова И.Н., Красноголовко Н.Н.* Профилактика религиозного экстремизма в местах лишения свободы: опыт, проблемы, перспективы // Вестник Владимирского юридического института. – 2017. – № 2 (43). – С. 49–54.
46. *Филиппов С.И.* Условия лояльности национальных элит к центральной власти в советский период российской истории // Идеи и идеалы. – 2020. – Т. 12, № 4, ч. 1. – С. 230–248. – DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.4.1-230-248.
47. *Фурман Д., Каарияйнен К., Карпов В.* Религиозность в России в 90-е гг. XX – начале XXI в. // Новые церкви, старые верующие – старые церкви, новые верующие. Религия в постсоветской России. – М.; СПб.: Летний сад, 2007. – С. 6–87.
48. *Чечет Б.Ф.* Традиционные религии России и ее модернизация // Известия Иркутского государственного университета. Политология. Религиоведение. – 2013. – № 2 (11), ч. 1. – С. 309–313.
49. *Шахов М.О.* Клерикализация России: миф или реальность? // Национальные интересы. – 2002. – № 5. – С. 56–62.
50. *Шнирельман В.* Религиозная культура или приглашение в религию – чему учат новые учебники? // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2017. – № 4 (35). – С. 89–118. – DOI: 10.22394/2073-7203-2017-35-4-89-118.
51. *Элбакян Е.С.* Религиозное на фоне светского: межрелигиозный диалог в светском обществе // Проблемы укрепления единства российской нации: мате-

риалы Всероссийского научно-практического форума (Пермь, 17–19 сентября 2014 г.). – Пермь, 2014. – Ч. 2. – С. 186–194.

52. *Blinkova A., Vermeer P.* Religious education in Russia: a comparative and critical analysis // *British Journal of Religious Education*. – 2016. – Vol. 40 (2). – P. 194–206. – DOI: 10.1080/01416200.2016.1190687.

53. *Cueva J. de la.* Violent Culture Wars: Religion and Revolution in Mexico, Russia and Spain in the Interwar Period // *Journal of Contemporary History*. – 2017. – Vol. 53, iss. 3. – P. 503–523. – DOI: 10.1177/0022009417690594.

54. The Patriarch and the President: Religion and Political Choice in Russia // V.L. Hesli, E. Erdem, W. Reisinger, A. Miller // *Demokratizatsiya*. – 1999. – Vol. 7 (1). – P. 42–72.

55. *Homer L.B.* The legacy of Boris Yeltsin: Father of Religious Freedom in Russia // *East-West Church and Ministry Report*. – 2007. – Vol. 15 (3). – P. 1–2.

56. *Ozhiganova A.* “Spiritual and Moral Education” in Russian Public Schools // *FIRE: Forum for International Research in Education*. – 2019. – Vol. 5 (1). – P. 107–125.

57. *Parks M.* Yeltsin Sheds Atheism, Gets Religion Again // *Los Angeles Times*. – 1992. – June 15. – URL: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-1992-06-15-mn-314-story.html> (accessed: 10.11.2021).

58. *Родионова Е.В., Байер Ю.П.* Место спасения или мучения: образ Русской православной церкви в светских СМИ во время пандемии COVID-19 // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. – 2020. – № 6. – С. 448–469. – Текст: англ. – DOI: 10.14515/monitoring.2020.6.1748.

59. *Shnirelman V.A.* Russian Orthodox culture or Russian Orthodox teaching? Reflections on the textbooks in religious education in contemporary Russia // *British Journal of Religious Education*. – 2012. – Vol. 34 (3). – P. 1–17. – DOI: 10.1080/01416200.2011.649345.

60. *Simon G.* Der Kommunismus und die nationale Frage: Die Sowjetunion als Vielvölkerimperium // *Osteuropa*. – 2013. – Vol. 63, N 5/6. – P. 7–24.

61. *Stepanova E.A.* Religious Education in Russia: Between Methodological Neutrality and Theological Partiality // *Changing Societies and Personalities*. – 2018. – Vol. 2 (3). – P. 260–266. – DOI: 10.15826/csp.2018.2.3.042.

Статья поступила в редакцию 27.04.2021.

Статья прошла рецензирование 20.06.2021.

DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.4.1-88-111

ANTICLERICAL DISCOURSE IN MODERN RUSSIAN SCIENCE

Beskov Andrey,

Cand. of Sc. (Philosophy),

*Head of research laboratory "Transformation
of non-material culture in the modern world"*

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University,

1 Ulyanova Street, Nizhny Novgorod, 603005, Russian Federation

SPIN-code (RSCI): 9198-5158

ORCID: 0000-0003-4080-1614

beskov_aa@mininuniver.ru

Abstract

One can often read about the religious revival that came about in Russia after the collapse of Soviet power, both in the media and in scientific literature. According to opinion polls, the majority of Russians are believers, mostly orthodox Christians. The Russian state clearly patronizes religion, at least some specific ("traditional") religions. In socio-political discourse, the prevailing view is that religion is a good thing, and if sometimes religion is a source of problems, it is associated with some deviations from the norm, a perversion of the very essence of religion. This point of view can easily be found in Russian scientific periodicals. However, a critical attitude towards the growing role of religion in Russia is also often expressed in Russian science. The article highlights the main reasons for the dissatisfaction of scholars with the current state of affairs. It is also shown that such works have no influence on the religious situation in Russia. Although anti-clerical sentiments are quite clearly expressed in Russian science, they do not fall into the socio-political discourse, since there is simply no such force in Russia that could consistently promote the principle of secularism. In search of an additional electoral resource and a replacement for the Soviet ideology, the authorities did everything to enhance the importance of religion and strengthen the authority of religious leaders. As a result, today, despite the fact that the real level of religiosity of the population is apparently much lower than is commonly believed, politicians (even opposition ones) are not ready to openly doubt the positive role of religion, fearing PR problems.

Keywords: religion in Russia, post-Soviet Russia, secular state, clericalization, state-religion relations, Russian science, religion and society.

Bibliographic description for citation:

Beskov A. Anticlerical Discourse in Modern Russian Science. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2021, vol. 13, iss. 4, pt. 1, pp. 88–111. DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.4.1-88-111.

References

1. Aglei E.A. *Reprezentatsiya obraza religii na rossiiskom televidenii*. Diss. kand. filol. nauk [Image of religion on Russian TV. PhD in Philology diss.]. Kazan', 2019. 177 p.
2. Andreeva L.A., Smirnov M.Yu., Shcherbakov V.P. Protsess dekhristianizatsii v Evropeiskom Soyuze [The process of De-Christianization in the European Union]. *Sovremennaya Evropa = Contemporary Europe*, 2018, no. 5, pp. 120–130. DOI: 10.15211/soveurope52018120130.
3. Shakhnovich M.M., ed. *Antiklerikalizm kak kul'turno-istoricheskii fenomen* [Anticlericalism as a cultural and historical phenomenon]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2011. 192 p.
4. Arzumanov I.A. [Ethno-confessional aspects of the formation of civil unity of Russians]. *Problemy ukrepleniya edinstva rossiiskoi natsii* [Proceedings of the Conference “Strengthening the unity of the Russian nation” (Perm', 17–19 September 2014)]. Perm', 2014, pt. 2, pp. 18–28. (In Russian).
5. Beskov A.A. [About the Spelling of the Word ‘Gods’ with a Capital Letter in the Russian writing system]. *Slavyanskie etnosy, yazyki i kul'tury v sovremennom mire* [Slavic ethnic groups, languages and cultures in the modern world]. Proceedings of the 6 Annual Meeting, Russia, Ufa, September 25, 2020, pp. 301–310. (In Russian).
6. Beskov A.A. Ot bogoiskatel'stva k mnogobozhiyu? Kontsept «bogi» v tvorchestve sovremennykh russkoyazychnykh muzykantov [From Seeking God to Polytheism: The Concept of “Gods” in the Works of Modern Russian-Speaking Musicians]. *Sotsiodinamika = Sociodynamics*, 2020, no. 8, pp. 44–65. DOI: 10.25136/2409-7144.2020.8.32005.
7. Beskov A.A. Russkii rok: “pravoslavnoe iskusstvo”, novaya religiya ili “slavnoe yazychestvo”? [Russian Rock Music: “Orthodox Art”, New Religion or “Lovely Paganism”?]. *Kul'tura i iskusstvo = Culture and Art*, 2020, no. 6, pp. 10–28. DOI: 10.7256/2454-0625.2020.6.31675.
8. Beskov A.A. [My Subjective View of Objective Problems of Strengthening the Russian Nation]. *Problemy ukrepleniya edinstva rossiiskoi natsii* [Proceedings of the Conference “Strengthening the unity of the Russian nation” (Perm', 17–19 September 2014)]. Perm', 2014, pt. 2, pp. 40–48. (In Russian).
9. Beskov A.A. Etnoreligioznoe izmerenie sovremennoi russkoi identichnosti: pravoslavie vs neoyazychestvo [Ethno-Religious Dimension of Modern Russian Identity: Orthodoxy vs Neo-Paganism]. *Studia Culturae*, 2020, no. 3 (45), pp. 106–122. (In Russian).
10. Borinskaya S., Borisov N. Privivka ot mrakobesiya: kak biofarmklaster “Severnyi” pobedil kreacionizm [Vaccination against obscurantism]. *Troitskii variant*, 2015, no. 9 (178), p. 11. (In Russian).
11. Gavrilova V.V. [Opportunities for Civil Unity of Russians]. *Problemy ukrepleniya edinstva rossiiskoi natsii* [Proceedings of the Conference “Strengthening the unity of the Russian nation” (Perm', 17–19 September 2014)]. Perm', 2014, pt. 1, pp. 43–51. (In Russian).
12. Glagolev V.S. [Clash of Religious and Secular Paradigms in a Secular Society]. *Problemy ukrepleniya edinstva rossiiskoi natsii* [Proceedings of the Conference “Strengthen-

ing the unity of the Russian nation” (Perm’, 17–19 September 2014)]. Perm’, 2014, pt. 2, pp. 48–55. (In Russian).

13. Dudarenok S.M. Religioznaya situatsiya na rossiiskom Dal’nem Vostoke: istoriya i sovremennost’ [Religious Situation in the Russian Far East]. *Rossiya i ATR = Russia and the Pacific*, 2004, no. 2, pp. 130–140.

14. Dushenko K.V. “Razdavite gadinu!”: dve zhizni vol’terovskogo lozunga [Écrasez l’infâme! Two lives of Voltaire’s slogan]. *Shagi = Steps*, 2020, vol. 6, no. 3, pp. 199–227. DOI: 10.22394/24129410202063199227. (In Russian).

15. Efimova D.E. Obraz Russkoi pravoslavnoi tserkvi v sovremennoi svetskoj periodike [The Image of Russian Orthodox Church in Contemporary Press]. *Istoriya otechestvennykh SMI*, 2015, no. 1, pp. 150–160. (In Russian).

16. Zadorin I.V. Khomyakova A.P. Religioznaya samoidentifikatsiya respondentov v massovykh oprosakh: chto stoit za deklaratsiyami [Religious Self-Identification of Respondents in Mass Surveys: What is Behind Declared Religiosity?]. *Politiya = Politeia*, 2019, no. 3, pp. 161–184. DOI: 10.30570/2078-5089-2019-94-3-161-184.

17. Ilyin G.L. O klerikalizatsii rossiiskogo obrazovaniya [About Clericalization of Russian Education]. *Nauka i shkola = Science and School*, 2012, no. 5, pp. 190–193.

18. Kazhdyi chetvertyi boitsya delit’sya mneniem s sotsiologom [Every fourth person is afraid to share their opinion with a sociologist]. *Levada-Tsentr* [Levada-Center], 2016, 22 January. Available at: <https://www.levada.ru/2016/01/22/kazhdyj-chetvertyj-boitsya-delitsya-mneniem-s-sotsiologom/> (accessed 09.11.2021).

19. Kanevskii K. Sotsial’noe partnerstvo gosudarstva i religioznykh ob’edinenii: problemy pravovogo regulirovaniya [Social Partnership of the State and Religious Associations]. *Pravo i zhizn’ = Law and Life*, 2005, no. 82, pp. 195–234. (In Russian).

20. Karpov V. Kontseptual’nye osnovy teorii desekularizatsii [The Conceptual Foundations of the Desecularization Theory]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov’ v Rossii i za rubezhom = State, Religion and Church in Russia and Worldwide*, 2012, no. 2, pp. 114–164.

21. Kaspé S.I. Zagovor molchaniya: sopryazheniya sakral’nogo i politicheskogo v diskursivnykh praktikakh sovremennoi Rossii [A Conspiracy of Silence: Interfaces of the Sacred and the Political in the Discursive Practices of Modern Russia]. *Sotsiologicheskoe obozrenie = Russian Sociological Review*, 2018, vol. 17, no. 2, pp. 9–38. DOI: 10.17323/1728-192X-2018-2-9-38.

22. Kirichenko O.I. Ateisticheskoe vospitanie kak vazhnyi faktor profilaktiki religioznogo ekstremizma v molodezhnoi srede [Atheistic Upbringing as an Important Factor in the Prevention of Religious Extremism Among Young People]. *Voprosy bezopasnosti = Security Issues*, 2015, no. 1, pp. 159–171. DOI: 10.7256/2409-7543.2015.1.10263.

23. Kreymer-Dementeva L.A. [Russian Civil and State Identities]. *Problemy ukrepleniya edinstva rossiiskoi natsii* [Proceedings of the Conference “Strengthening the unity of the Russian nation” (Perm’, 17–19 September 2014)]. Perm’, 2014, pt. 1, pp. 75–84. (In Russian).

24. Krzhevov V.S. Religiya v sovremennoi Rossii: dukhovnoe vozrozhdenie ili klerikalizatsiya obshchestva? [Religion in Modern Russia: Spiritual Renaissance or Clericaliri-

sation of Society?]. *Filosofskie nauki = Russian Journal of Philosophical Sciences*, 2012, no. 10, pp. 93–105. (In Russian).

25. Malakhov V.S., Letnyakov D.E. Mertsayushchii sekulyarizm: religiya v rossiiskom publichnom prostranstve [Shimmering Secularism: Religion in Russian Public Space]. *Polis. Politicheskie issledovaniya = Polis. Political Studies*, 2020, no. 1, pp. 135–149. DOI: 10.17976/jpps/2020.01.10.

26. Malakhov V.S., Letnyakov D.E. Rossiiskoe gosudarstvo v konfessional'noi sfere, ili natsional'nye osobennosti sekulyarizma [The Russian State in the Religious Sphere (Or National Secularism)]. *Mir Rossii = Universe of Russia*, 2019, vol. 28, no. 4, pp. 49–67. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-4-49-67.

27. Maremuikov R.B. Ispol'zovanie traditsionnykh religii v profilaktike terroristicheskikh proyavlenii i religioznogo ekstremizma [The Use of Traditional Religion in the Prevention of Terrorist Acts and Religious Extremism]. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*, 2018, no. 3, pp. 76–78. (In Russian).

28. Matveev D.O. Rol' traditsionnykh konfessii v profilaktike religioznogo ekstremizma v uchrezhdeniyakh ugolovno-ispolnitel'noi sistemy [The Role of Traditional Religions in the Prevention of Religious Extremism in the Establishments of Criminal-Executive System]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2014, no. 3, pp. 111–114. (In Russian).

29. Matyash T.P. [Russian Nation: projects and reality]. *Problemy ukrepleniya edinstva rossiiskoi natsii* [Proceedings of the Conference “Strengthening the unity of the Russian nation” (Perm', 17–19 September 2014)]. Perm', 2014, pt. 2, pp. 118–124. (In Russian).

30. Mukhametzyanova-Duggal R.M. Religiya i vlast' v Rossii v XX–XXI vv.: tri modeli gosudarstvenno-konfessional'nykh otnoshenii [Religion and Power in Russia in the 20th – 21st Centuries: Three Models of State-Confessional Relations]. *Vlast'*, 2017, vol. 25, no. 6, pp. 100–104. (In Russian).

31. Obrashchenie Prezidenta Rossii Borisa El'tsina k Patriarkhu Moskovskomu i vseya Rusi [Address of President of Russia Boris Yeltsin to the Patriarch of Moscow and All Russia]. *Interfaks*: website, 1991, August 19. (In Russian). Available at: <http://www.interfax-religion.ru/?act=archive&div=5060> (accessed 10.11.2021).

32. Orekhovskiy P., Razumov V. Vremya karnavala: rossiiskaya vysshaya shkola i nauka v epokhu postmoderna [Carnival Time: Russian Higher Education and Science in the Postmodern Era]. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2020, vol. 12, iss. 3, pt. 1, pp. 77–94. DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.3.1-77-94.

33. Osipov O.V., Averyanova D.V. Pravoslavnyaya tserkov' sovremennoi Rossii v sisteme grazhdanskogo obshchestva [Institution of the Church as a subject of civil society in modern Russia]. *Sotsium i vlast' = Socium and Power*, 2019, no. 3, pp. 15–29.

34. *Open letter to the President of Russia*. (In Russian). Available at: <http://www.scientific.ru/doska/opk.html> (accessed 10.11.2021).

35. Pozdnyakov A.V., Soroka I.A. “Svyashchennye” teksty kak istochnik religioznoi neterpimosti: razvenchanie sovremennykh illyuzii [“Sacred” Texts as a Source of Religious Intolerance: Development of Modern Illusions]. *Pozitsiya. Filosofskie problemy nauki i tekhniki = Philosophical Problems of Science and Technology*, 2017, no. 11, pp. 164–170.

36. Pronina T.S. *Religiya i poiski identichnosti v postsovetsoi Rossii* [Religion and the Search for Identity in Post-Soviet Russia]. *Religiovedenie = Study of Religion*, 2015, no. 2, pp. 112–117.

37. Radikov I.V. *Poisk ideologicheskikh orientirov v postsovetsoi Rossii* [The Search for Ideological Orientation in Post-Soviet Russia]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki = Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 2019, no. 1 (834), pp. 54–75.

38. Slobozhnikova V.S. *Obshchestvenno-politicheskie praktiki korrektyrovki gosudarstvenno-konfessional'nykh otnoshenii v Rossii na rubezhe XX–XXI vv.* [Social and Political Practices of Adjusting the State-Religious Relations in Russia at the Turn of the 21st Century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2020, no. 460, pp. 121–132. DOI: 10.17223/15617793/460/15.

39. Slobozhnikova V.S. *Religioznost' kak politicheskii resurs rossiiskogo gosudarstva* [Religiosity as a Political Resource of the Russian State]. *Politicheskaya nauka = Political Science (RU)*, 2013, no. 2, pp. 165–176.

40. Smirnov M.Yu. [The Revival of Religion as an Obstacle to the Unity of Russian Society]. *Problemy ukrepleniya edinstva rossiiskoi natsii* [Proceedings of the Conference “Strengthening the unity of the Russian nation” (Perm', 17–19 September 2014)]. Perm', 2014, pt. 2, pp. 154–161. (In Russian).

41. Solodnikov V.V. *V poiskakh dukhovnogo sterzhnya obshchestva: o prepodavanii pravoslavnoi kul'tury v srednei shkole* [About teaching Orthodox culture in public school]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*, 2008, no. 3, pp. 31–42.

42. Taylor Ch. *What Does Secularism Mean?* *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom = State, Religion and Church in Russia and Worldwide*, 2015, no. 1, pp. 218–253. (In Russian).

43. Trofimov E.A. *Osobennosti vosproizvodstva religioznykh ob'edinenii v Rossiiskoi Federatsii (problemno-prakseologicheskii ocherk)* [The Peculiarities of the Establishment of Religious Organizations in the Russian Federation (Praxeological Essay)]. *Religiovedenie = Study of Religion*, 2015, no. 2, pp. 118–124.

44. Uzlener D. *Konets “pravoslavnogo konsensusa”: religiya kak novyi ras-kol rossiiskogo obshchestva* [The End of the “Pro-Orthodox Consensus”: Religion as a New Cleavage in Russian Society]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2020, no. 3 (163), pp. 96–116. (In Russian). Available at: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/163_nlo_3_2020/article/22227/ (accessed 10.11.2021).

45. Fedotova I.N., Krasnogolovko N.N. *Profilaktika religioznogo ekstremizma v mestakh lisheniya svobody: opyt, problemy, perspektivy* [Preventive Treatment of Religious Extremism at Penitentiary Institutions: Experience, Problems and Outlooks]. *Vestnik Vladimirs-kogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of Vladimir Law Institute*, 2017, no. 2, pp. 49–54. (In Russian).

46. Filippov S.I. *Usloviya loy'al'nosti natsional'nykh elit k tsentral'noi vlasti v sovetskii period rossiiskoi istorii* [Conditions of the National Elites Loyalty towards the

Central Government in the Soviet Period of Russian History]. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2020, vol. 12, no. 4, pt. 1, pp. 230–248. DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.4.1-230-248.

47. Furman D., Kaariainen K., Karpov V. Religioznost' v Rossii v 90-e gg. XX – nachale XXI v. [Religiosity in Russia in the 1990s and at the beginning of the 21st century]. *Novye tserkvi, starye veruyushchie – starye tserkvi, novye veruyushchie. Religiya v postsovetskoj Rossii* [New churches, old believers – old churches, new believers. Religion in Post-Soviet Russia]. Moscow, St. Petersburg, 2007, pp. 6–87. (In Russian).

48. Chechet B.F. Traditsionnye religii Rossii i ee modernizatsiya [The Potential of Traditional Religions in Modern Russia]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie = The Bulletin of Irkutsk State University. Series: Political Science and Religion Studies*, 2013, no. 2, pt. 1, pp. 309–313.

49. Shakhov M.O. Klerikalizatsiya Rossii: mif ili real'nost'? [Clericalization of Russia: Myth or Reality?]. *Natsional'nye interesy = National Interests*, 2002, no. 5, pp. 56–62. (In Russian).

50. Shnirelman V. Religioznaya kul'tura ili priglasenie v religiyu – chemu uchat novye uchebniki? [Religious Culture or Invitation to Religion: What Are the New Textbooks About?]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom = State, Religion and Church in Russia and Worldwide*, 2017, vol. 35 (4), pp. 89–118. DOI: 10.22394/2073-7203-2017-35-4-89-118.

51. Elbakyan E.S. [Interreligious Dialogue in a Secular Society]. *Problemy ukrepleniya edinstva rossijskoj natsii* [Proceedings of the Conference “Strengthening the unity of the Russian nation” (Perm', 17–19 September 2014)]. Perm', 2014, pt. 2, pp. 186–194. (In Russian).

52. Blinkova A., Vermeer P. Religious education in Russia: a comparative and critical analysis. *British Journal of Religious Education*, 2016, vol. 40 (2), pp. 194–206. DOI: 10.1080/01416200.2016.1190687.

53. Cueva J. de la. Violent Culture Wars: Religion and Revolution in Mexico, Russia and Spain in the Interwar Period. *Journal of Contemporary History*, 2017, vol. 53, iss. 3, pp. 503–523. DOI: 10.1177/0022009417690594.

54. Hesli V.L., Erdem E., Reisinger W., Miller A. The Patriarch and the President: Religion and Political Choice in Russia. *Demokratizatsiya*, 1999, vol. 7 (1), pp. 42–72.

55. Homer L.B. The legacy of Boris Yeltsin: Father of Religious Freedom in Russia. *East-West Church and Ministry Report*, 2007, vol. 15 (3), pp. 1–2.

56. Ozhiganova A. “Spiritual and Moral Education” in Russian Public Schools. *FIRE: Forum for International Research in Education*, 2019, vol. 5 (1), pp. 107–125.

57. Parks M. Yeltsin Sheds Atheism, Gets Religion Again. *Los Angeles Times*, 1992, June 15. Available at: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-1992-06-15-mn-314-story.html> (accessed 10.11.2021).

58. Rodionova E.V., Bayer J.P. A Place for Salvation or Torture: The Image of the Russian Orthodox Church in Secular Media During the COVID-19 Pandemic. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny = Monitoring of Public*

Opinion: Economic and Social Changes, 2020, no. 6, pp. 448–469. DOI: 10.14515/monitoring.2020.6.1748.

59. Shnirelman V.A. Russian Orthodox culture or Russian Orthodox teaching? Reflections on the textbooks in religious education in contemporary Russia. *British Journal of Religious Education*, 2012, vol. 34 (3), pp. 1–17. DOI: 10.1080/01416200.2011.649345.

60. Simon G. Der Kommunismus und die nationale Frage: Die Sowjetunion als Vielvölkerimperium [Communism and the national question: The Soviet Union as a multinational empire]. *Osteuropa = Eastern Europe*, 2013, vol. 63, no. 5/6, pp. 7–24. (In German).

61. Stepanova E.A. Religious Education in Russia: Between Methodological Neutrality and Theological Partiality. *Changing Societies and Personalities*, 2018, vol. 2 (3), pp. 260–266. DOI: 10.15826/csp.2018.2.3.042.

The article was received on 27.04.2021.

The article was reviewed on 20.06.2021.